
pocket**book**

rocket**book**

ДЖЕРОМ К. ДЖЕРОМ

*Трое в лодке,
не считая собаки*

ЭКСМО
Москва
2015

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Вел)
Д 40

Jerome Klapka Jerome
THREE MEN IN A BOAT
(TO SAY NOTHING OF THE DOG)

Составитель серии *Александр Жикаренцев*

Оформление серии *Андрея Саукова*

Джером К. Джером
Д 40 Трое в лодке, не считая собаки : роман / Джером К. Джером ; [пер. с англ.]. – М. : Эксмо, 2015. – 384 с. – (Pocket book).

ISBN 978-5-699-48091-3

Впервые «Трое в лодке, не считая собаки» были опубликованы в Англии в 1889 году. Джером написал уморительно смешную историю трех друзей, от скуки и вымышленных болезней сплавающих по Темзе, под впечатлением от собственного свадебного путешествия, проведенного на небольшой лодке. В то время «в моде» были нереалистичные персонажи Конан Дойла, Киплинга и Стивенсона, а обыкновенные и в чем-то даже заурядные друзья Джи, Джордж и Гаррис стали для английских читателей настоящими героями.

Успех был оглушительным. На сегодняшний день книгу не только перевели почти на все мировые языки — ее неоднократно экранизировали, адаптировали для сцены, телевидения и радио. В русской киноверсии героев Джерома блистательно воплотили Андрей Миронов, Александр Ширвиндт и Михаил Державин.

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Вел)

ISBN 978-5-699-48091-3

© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2015

ТРОЕ В ЛОДКЕ, НЕ СЧИТАЯ СОБАКИ

Глава I

Трое больных. — Жертва ста семи болезней. — Мы страдаем переутомлением. — Неприятности морской прогулки. — Джордж предлагает отправиться на Темзу. — Монморанси протестует. — Дело решено большинством трех.

Гаррис, Джордж, я и пес Монморанси сидели после обеда в нашей общей лондонской квартире. Монморанси отдыхал на ковре, а мы — джентльмены — курили и вели разговор на очень грустную тему: мы рассуждали о нашей негодности с медицинской точки зрения.

Самочувствие у всех было очень скверное и положительно угнетало нас. Гаррис и Джордж жаловались на головокружение; оно бывало у обоих в такой сильной степени, что они не отвечали за поступки, содеянные во время припадков. Я же был убежден, что у меня печень не в порядке: я только что прочел рекламу о пилюлях, в которой были перечислены все симптомы страданий печени, и все они были у меня налицо.

Это замечательно: никогда еще я не прочел ни одного медицинского объявления без того, чтобы

не убедиться, что я в сильнейшей степени одержим именно той болезнью, о которой идет речь.

Помню, раз я отправился в библиотеку Британского музея с целью вычитать что-нибудь о нездоровье, которое тогда испытывал и считал чем-то вроде лихорадки. Раздобыв медицинский лексикон и найдя в нем, что мне было нужно, я стал машинально перелистывать страницы и беспечно принялся изучать болезни вообще. Первым, на что я попал, оказался какой-то ужасный смертный недуг; но прежде чем прочесть весь список его симптомов, я увидел, что он, несомненно, гнездится во мне самом. Мороз прошел у меня по коже, и в безнадежной тоске перевернул я еще несколько страниц. При описании тифа открылось, что у меня все его признаки, что я, безусловно, болен тифом, и болен уже несколько месяцев, не подозревая этого.

Я удивился, стал читать дальше и нашел, что у меня с детства пляска св. Витта.

Заинтересовавшись своей судьбой, я решил исследовать это дело до конца и узнал следующее.

Скарлатина у меня только еще началась, и высыпание можно ожидать через две недели. Брайтова болезнь не развилась еще в сильной степени, и при настоящем ее виде я могу прожить еще много лет.

Зато холера оказалась с опасными осложнениями, а с дифтеритом я, очевидно, родился.

Я уныло перечел весь лексикон от первой до последней буквы, и оказалось, что у меня нет только женских болезней.

В первую минуту я был поражен этим открытием: почему бы у меня не быть женским болезням?

Но, поразмыслив, решил, что и остальных достаточно.

Последняя болезнь в словаре была *ячмень*, который, по всем приметам, не сходил у меня с глаза последние три года; и так как более никаких болезней описано не было, то оказывалось, что в остальном я совершенно здоров.

Я сидел и раздумывал, какой интерес представлял я для докторов! Очевидно, я был бы приобретением в клинике: студенты могли бы не бродить из палаты в палату, а, изучив меня одного, получали бы свои дипломы об окончании курса.

Потом я стал обсуждать, долго ли мне осталось жить. Я взялся за пульс и сначала решительно ничего не чувствовал; но через некоторое время он забился так скоро, что я едва успевал считать: 147 ударов в минуту!

Надо было исследовать сердце... я прислушался... не было слышно ни одного удара. Собственно говоря, я не могу утверждать, что в ту минуту в моей груди вовсе не было сердца; впоследствии мне много раз приходилось убеждаться, что оно у меня есть; но тогда, сколько я ни ощупывал свою талию и грудь, сколько ни нагибался во все стороны — все-таки не расслышал ни одного биения. Оставалось осмотреть язык; высунув его до последней возможности, я убедился более чем когда-либо, что у меня скарлатина.

Войдя в библиотеку счастливым, здоровым человеком, я вышел из нее расслабленным преждевременным стариком. Я направился прямо к товарищу-доктору. Прежде он обыкновенно весело болтал о погоде, когда я приходил к нему за советом, и никогда не хотел верить, что я болен. Но теперь я

шел к нему с глубоким убеждением, что доставлю ему практики более, чем сотня обыкновенных пациентов, у которых не бывает больше чем по две каких-нибудь болезни.

— Что случилось? — встретил он меня. — Что с вами?

— Ах, друг мой, я не хочу тратить золотое время и рассказывать, что со мной. Жизнь коротка, и вы можете исчезнуть прежде, чем я кончу. Я вам лучше скажу, чем я не болен: я не болен женскими болезнями. Как это случилось, неизвестно; но факт налицо: у меня нет ни одной женской болезни. Все остальные у меня есть.

И я рассказал ему, как дошел до этого.

Он пристально посмотрел на меня, хлопнул меня по лбу, потом по плечу и сел молча писать рецепт.

Когда он кончил, я взял сложенную бумажку и, не читая, положил ее в карман. Выйдя на улицу, я грустно побрел в ближайшую аптеку и протянул рецепт провизору. Тот прочел и с улыбкой возвратил его мне, говоря, что они этого не держат.

— Да разве вы не аптекарь? — спросил я.

— Конечно, аптекарь, — отвечал он. — Вот если бы я содержал гостиницу с рестораном, тогда другое дело.

Я прочел рецепт, и вот что в нем было написано:

1 ф. бифштекса и

1 б. портеру

каждые 6 часов.

15 верст прогулки по утрам, ложиться спать в

11 ч. вечера и не забивать голову вещами, которых не понимаете.

Я должен признаться, что исполнение этих предписаний дало блестящие результаты и я до сих пор живу на свете.

Возвращаясь к объявлению о пилюлях, я должен сказать, что в данном случае самым резким признаком страданий печени было у меня нерасположение к какому-либо труду. Так выражалась у меня болезнь с самого детства. Но при низком уровне, на котором тогда стояла медицина, никто не подозревал причины моих страданий; и сколько я вытерпел тогда незаслуженных нагоняев, пинков и укоров в лености, одному богу известно.

Мы продолжали курить и рассказывать друг другу о своих болезнях. Я объяснял, как плохо чувствую себя по утрам, когда приходится вставать с постели, а Гаррис говорил, что с ним бывает что-то непонятное, когда нужно ложиться спать. Только Джорджу мы не особенно поверили, когда он, став на коврик у камина, сильно и талантливо изобразил нам в действиях свое состояние по ночам. Он, знаете ли, только воображает всегда, что болен.

В эту минуту постучалась к нам миссис Попетс, спрашивая, можно ли подавать ужин. Мы грустно улыбнулись друг другу и решили, что можно, пожалуй, проглотить немного пищи. Гаррис нашел даже, что совершенно пустой желудок только способствует развитию болезней.

Миссис Попетс внесла поднос, уставленный дымящимися кушаньями, и мы вяло принялись за еду.

Я думаю, что был очень слаб в то время, потому что через полчаса потерял уже всякий интерес к пище.

После ужина, набив заново трубки и наполнив стаканы вином, мы решили радикально обсудить вопрос о здоровье.

В чем именно заключались наши болезни — собственно говоря, трудно было объяснить; но по тщательном обсуждении вопроса было единодушно признано, что все произошло от переутомления.

— Нам, безусловно, нужен отдых, — сказал Гаррис.

— И полная перемена, — прибавил Джордж. — Напряжение мыслительных способностей произвело упадок всей нервной системы. Перемена места и отсутствие обязательного мышления восстановят равновесие всего организма.

(У Джорджа есть двоюродный брат, студент-медик, так что у него, естественно, прорывается фамильное сходство в докторальном изложении мыслей.)

Я согласился с Джорджем и предложил удалиться в какой-нибудь тихий, запущенный уголок природы, подальше от суетной толпы, и провести там неделю-другую под лучами солнца, среди лугов и полузабытых развалин, куда не достигаю бурные волны XIX столетия.

Но Гаррис нашел это бесполезным. Он знал такое место, о каком я говорил: там все ложились спать в 8 часов, и потом ни за какие коврижки немислимо было достать бутылку портеру.

— Нет, — прибавил он. — Для отдыха и перемены необходимо проехать по морю.

Но я решительно восстал против морской прогулки: она хороша для тех, кто отправляется в плавание на несколько месяцев, но на одну неделю — это чистое наказание.

Вы отправляетесь в понедельник с намерением вполне насладиться прогулкой. Вы посылаете воздушные поцелуи товарищам, которые остаются на берегу, зажигаете самую длинную трубку и начинаете шагать по палубе, как Христофор Колумб и капитан Кук, вместе взятые.

Во вторник вы жалеете, что поехали, и вспоминаете вашу уютную квартирку. В среду, четверг и пятницу вы жаждете смерти. В субботу вы в состоянии проглотить чашку чаю, сидеть на палубе и отвечать бледной улыбкой на вопросы сострадательной публики о вашем здоровье. В воскресенье вы на ногах и начинаете принимать человеческую пищу. А в понедельник, когда вы с зонтиком и саквояжем в руках готовитесь ступить на сухую землю, вам положительно начинает нравиться морская прогулка.

Помню, как моему зятю предписано было однажды прокатиться по морю для поправления здоровья. Он купил билет из Лондона в Ливерпуль и обратно и когда достиг Ливерпуля, то единственной его заботой было продать обратный билет.

С громадной уступкой билет ходил по рукам по всему городу и наконец был случайно продан за 18 пенсов желчному молодому человеку, который собирался на взморье для поправления здоровья воздухом и гимнастикой.

— Морская прогулка, — говорил мой зять, вру-

чая ему билет, — о, это такая вещь, что вам жизни покажется мало! А физических упражнений у вас будет на корабле больше, чем если бы вы брали уроки гимнастики на суше.

Сам же он вернулся в Лондон по железной дороге, находя, что Северо-Западная линия достаточно полезна для его здоровья.

Другой мой товарищ отправился тоже на пароходе, который лавировал у берегов, и прежде еще, чем они снялись с якоря, к нему явился буфетчик с вопросом, будет ли он платить за каждое съеденное блюдо отдельно или же заплатит вперед за всю серию обедов. Буфетчик советовал последнее, говоря, что это выходит гораздо дешевле — всего $2\frac{1}{2}$ фунта стерлингов за всю неделю.

К чаю будет подаваться рыба, к завтраку четыре блюда, к обеду — суп, рыба, жаркое, дичь, салат, сладкое, сыр и десерт и легкий ужин в 10 часов вечера.

Мой друг любил поесть и решил остановиться на $2\frac{1}{2}$ фунта стерлингов в неделю.

Завтрак был подан, лишь только вышли из гавани. Но он не чувствовал еще такого аппетита, как ожидал, и удовольствовался куском отварной говядины и клубникой со сливками. После завтрака он долго бродил из угла в угол, и — странное дело — ему начало казаться, что он всю жизнь не ел ничего, кроме отварной говядины и клубники со сливками!

В 6 часов пришли сказать, что обед подан; это не доставило моему другу особенного удовольствия, но он подумал, что $2\frac{1}{2}$ фунта стерлингов должны же быть заплачены недаром, и сошел в столовую.

Его встретил приятный запах горячей ветчины, лука и свежей рыбы у входа в каюту. Буфетчик подбежал к нему с умильной улыбкой:

— Что смею предложить вам, сэръ?

— Выведите меня отсюда! — отвечал он едва слышно.

Его живо вытащили на палубу и поставили у борта.

Четыре следующих дня он жил безупречной и тихой жизнью, питаясь исключительно тоненькими бисквитами и содовой водой. Но в субботу принялся за чай с ломтиками хлеба, а в понедельник за куриный бульон.

Во вторник он сошел на берег и грустным взором провожал пароход, который уходил на всех парах с 2½ фунта стерлингов из его собственного кармана.

Ввиду всех этих воспоминаний я решительно отвергал морскую поездку — не из-за себя, конечно, а из-за боязни за Джорджа. Однако Джордж говорил, что он в себе уверен, но чтобы мы с Гаррисом и не помышляли о море, так как наверное заболеем.

— Для меня положительно тайна, — отвечал на это Гаррис, — каким образом люди умудряются заболеть морской болезнью? Я убежден, что это обман и делается всегда нарочно. Сам я, сколько ни пробовал, никак не мог дойти до такого состояния.

Замечательно, что я не встречал еще ни одного человека, который помнил бы, что с ним бывала морская болезнь; и куда деваются на суше тысячи людей, замученных ею в море, для меня положительно непонятно.

Неужели все поступают так же, как один моло-

дой человек, которого я видел первый раз в Ярмуте?.. Судно только что вышло за южный мол, а он, перевесившись далеко за борт, находился уже в очень неприятном и опасном положении. Я подошел, чтобы оттащить его оттуда и помочь, сколько возможно.

— Эй, не высовывайтесь так далеко! Ведь вы можете свалиться за борт.

— О, черт возьми, там мне, наверное, было бы лучше! — простонал он в ответ.

Через три недели я встретил его в ресторане в Бате. Он восторженно рассказывал какому-то скромному юноше о своих плаваниях и очень распространялся о своей любви к морю. На вопрос юноши о морской болезни он отвечал, что единственный раз в жизни испытал ее у мыса Горн накануне кораблекрушения.

Когда же я вежливо напомнил ему, в каком виде был он в Ярмуте, он казался ужасно удивленным.

— В Ярмуте?!

— Да вы еще желали тогда очутиться за бортом.

— Ах да!.. Тогда у меня немного болела, кажется, голова... пустяки. Это все пикули! Мне тогда подали самые невозможные пикули в мире — вы их не пробовали?

Что касается меня, я открыл средство против морской болезни: нужно стать в центре палубы и балансировать вместе с судном; например, если качка килевая, то в ту минуту, когда нос корабля подымается, вы наклоняетесь всем корпусом вперед, так что лицо почти касается пола. Затем, при

обратном движении судна, вы наклоняетесь до последней возможности назад.

Но так балансировать можно час или два, а не две недели.

— Отправимся вверх по Темзе! — предложил Джордж. — Свежий воздух, упражнения и постоянная перемена места займут наши умы (включая оставшийся у Гарриса...), а ручной труд даст нам сон и аппетит.

Гаррис заметил, что считает излишним всякое сонное средство для Джорджа; и как же можно спать больше чем по 24 часа в сутки зимою и летом? Тогда лучше умереть и не платить по крайней мере за стол и квартиру.

Однако мысль о речной прогулке показалась очень удачной, и мы с Гаррисом порешили, что, к нашему удивлению, Джордж бывает иногда чрезвычайно умен.

Один только Монморанси оказался против речной прогулки; он никогда не находил в ней ничего хорошего.

«Это хорошо для вас, — по-видимому, думал пес, — но не для меня: природа вовсе не в моем стиле; я не курю; а если увижу крысу, то вы, наверное, не остановитесь для меня. Вообще, я нахожу подобную затею глупостью».

Но нас было трое против одного, и прогулка по Темзе была решена.